

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-2-85-97

УДК 32(410):

297(410):94(410)19/20

Содержание статьи

Информация о статье

А. Е. Игнатович¹

Введение
Участие мусульман в политической
коммуникации с принимающим
обществом Великобритании
Проблема радикализации британских
мусульман
Роль СМИ в политической коммуникации
принимающего общества
и мусульманской общины
Великобритании
Заключение

Поступила в редакцию: 11.09.2025
Передана на рецензию: 12.09.2025
Получена рецензия: 23.09.2025
Принята в номер: 29.09.2025

Политическая коммуникация принимающего общества и мусульманской общины Великобритании (теория, практика и проблемы конца XX – начала XXI в.)

Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь;
ignant@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается политическая коммуникация принимающего общества и мусульманской общины Великобритании в конце XX – начале XXI в. (до террористических актов 2005 г.). На организационном уровне были определены ключевые характеристики политической активности британских мусульман. К ним относятся фрагментированность их политического представительства, отсутствие единого координирующего органа, а также расхождения в стратегических целях и тактике между разными поколениями общины. Дополнительными сдерживающими факторами выступают ригидность структуры ведущих политических партий, которые нередко рассматривают мусульман лишь в качестве инструмента для получения голосов, а также отдельные проявления радикализма. Построенная процессная модель демонстрирует, что совокупность этих факторов приводит к низкому уровню развития политической коммуникации, в значительной степени замедляя её. Эта проблема во многом и прежде всего связана с радикализацией части мусульман Соединенного Королевства (что не снимает ответственности с властей Великобритании за происходящее в стране). Последствия радикализации для процесса политической коммуникации также проявились к 2005 г. и для принимающего общества (усиление правых политических сил; рост исламофобии; поиск партнеров для политического диалога среди организаций британских мусульман).

Ключевые слова: политическая коммуникация, принимающее общество, британские мусульмане, процессная модель.

¹ *Игнатович Антон Евгеньевич* – к. и. н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилёвского института МВД Республики Беларусь.

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-2-85-97

UDC 32(410):

297(410):94(410)19/20

Content of the article

Information about the article

*A. E. Ignatovich*²

Introduction.

Muslim participation in political communication with the UK host society
The problem of radicalization of British Muslims.

The role of the media in political communication with the UK host society and the Muslim community.

Conclusion.

Received: 11.09.2025

Submitted for review: 12.09.2025

Review received: 23.09.2025

Accepted for publication: 29.09.2025

Political Communication of the Host Society and the Muslim Community of Great Britain (Theory, Practice and Problems of the late 20th – Early 21st Century)

*Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus;
ignant@mail.ru*

Abstract. The article examines political communication between the host society and the Muslim community in Britain in the late 20th and early 21st centuries (prior to the 2005 terrorist attacks). Key characteristics of British Muslim political activity were identified at an organizational level. These include fragmented political representation and the absence of a single coordinating body, with different generations of the community having divergent strategic goals and tactics. Additional constraints include a rigid structure of leading political parties often viewing Muslims merely as a means to gain votes, as well as isolated manifestations of radicalism. The process model developed demonstrates that the combination of these factors leads to a low level of political communication, slowing it down significantly. This problem is largely and primarily associated with the radicalization of some Muslims in the United Kingdom (which does not absolve the British authorities of responsibility for events in the country). By 2005, the consequences of political communication process radicalization also became apparent for the host society (strengthening of right-wing political forces; growth of Islamophobia; search for partners for political dialogue among British Muslim organisations).

Keywords: political communication, host society, British Muslims, process model.

Введение

Процессы глобализации делают современные государства полиэтническими и многоконфессиональными. Это приводит к тому, что большинство стран в той или иной степени сталкиваются с проблемами межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений. Великобритания – страна, которая выделяется определенной спецификой такой коммуникации. В немалой степени это обусловлено наличием мусульманского сообщества, которое стало предметом политических дискуссий в политической сфере в конце XX – начале XXI в. Цель проведенного исследования – определить черты политической коммуникации принимающего общества и мусульманской общины Великобритании, характерные для конца XX – начала XXI в. В статье верхней границей хронологических рамок выступит 2005 г. – год терактов в

² *Ignatovich Anton Evgenievich* – Cand. Sc. (History), associate professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines; Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

Великобритании, совершенных мусульманскими экстремистами, что положило начало изменению контекста коммуникации.

Выбор исследовательских методов и подходов в работе определяется её предметом – политической коммуникацией между принимающим обществом Великобритании и мусульманской общиной. Изучение данной проблемы носит междисциплинарный характер, что позволяет автору сформулировать и собственную научную позицию. Хотя единого определения политической коммуникации не существует (каждая дисциплина трактует её через свою систему категорий), большинство учёных сходится во мнении, что это процесс взаимодействия и обмена информацией, связанный со сферой политики. Так, доктор политических наук М. Н. Грачёв определяет политическую коммуникацию как «совокупность феноменов информационного воздействия и взаимодействия в сфере политики, связанных с конкретно-исторической деятельностью политических акторов по поводу власти, властно-управленческих отношений в обществе» [5, с. 29]. В статье это определение будет проецироваться на организационный уровень коммуникации.

Для достижения поставленной цели наиболее релевантными представляются качественные методы, в частности моделирование. Его описательная (вербальная) форма реализуется через научный текст, дополненный графиками, таблицами и блок-схемами [18, с. 235]. Повысить уровень анализа позволяет когнитивный подход, который даёт возможность фиксировать изменения внешней среды и реакцию системы на них. Таким инструментом может служить диаграмма Исикавы, обеспечивающая системное выявление и классификацию причинно-следственных связей в процессе³. Для исторической науки ключевым является также измерение динамики. Когнитивная карта в данном случае имеет базовую структуру: центральный процесс и окружающие его факторы, оказывающие позитивное или негативное влияние. Для оценки этого воздействия предлагается использовать нейтральные категории «ускоряет» / «замедляет», что позволяет абстрагироваться от оценочных суждений и сконцентрироваться на анализе сущности процесса.

Создание модели развития политической коммуникации подразумевает упрощение. Прежде всего, из-за того, что к концу XX в. антропологи характеризовали Великобританию, а особенно Лондон, как родину «сверхразнообразия» [10, с. 27]. Г. И. Гаджимуратова отмечает, что «именно религия явилась фактором консолидации мусульманских сообществ в Европе с целью сохранения своих «ценностей» и противостоянию либеральным «ценностям», сохранения своей этноконфессиональной идентичности, что в итоге и привело к их обособлению и созданию анклавов» [2, с. 168]. При этом зачастую существование ислама в западном европейском контексте – евроислам – понимается как ислам, «использующий возможности и достижения западной цивилизации в своих целях» [22, с. 118]. Но важно отметить, что западный, восточный и российский взгляды на евроислам различаются [26, с. 139] – понятие остается дискуссионным.

Для описания мусульман в Великобритании автор сознательно использует термин «община» как социальный конструкт. Его применение оправдано, даже несмотря на внутреннее разнообразие мусульман. Именно отсутствие у них единства, разная степень интеграции и различия в ценностях между поколениями делают эту обобщающую категорию методологически оправданной. Это упрощение необходимо для моделирования процесса коммуникации. Кроме того, с начала XXI в. сами британцы

³ Метод «Диаграмма Исикавы» [Электронный ресурс] / Центр креативных технологий. 2010. – Режим доступа: <http://www.inventech.ru/pub/methods/metod-0019/> (дата обращения: 27.01.2010).

стали воспринимать мусульман как единую группу, что привело к закреплению этой идентичности в самоосознании и данных переписи.

«Принимающее общество» в работе – это в первую очередь его главные субъекты: государство, партии, общественные организации и медиа. Их мнения, как и мнения внутри общины, часто не совпадают. При этом само британское общество, будучи сложным и разнородным («сверхразнообразным») [15], постоянно переосмысляет и себя, и место мусульман в нем. Эта двойная динамика и придает модели гибкость и актуальность.

Участие мусульман в политической коммуникации с принимающим обществом Великобритании

Полноценное участие мусульман в политической коммуникации с принимающим обществом Соединенного Королевства стало возможным только в конце XX в. Процесс политизации британских мусульман сам по себе является достаточно неоднородным [24, с. 361]. На первых этапах Великобританию особо не волновали вопросы религиозной принадлежности мигрантов. Но растущая община постепенно переняла западные механизмы политического взаимодействия, например получая гранты от местных советов. Это говорит о встраивании мусульман в процессы коммуникации принимающего общества. Однако кризисы конца 1980-х гг. (например, «дело Рушди») выявили недостаточность местного уровня и подтолкнули мусульман к борьбе за влияние на национальной арене [8].

Несмотря на репутацию самой организованной мусульманской диаспоры в Европе [11, с. 72], британское сообщество в рассматриваемый период внутренне фрагментировано. Созданию единой организации мешала конкуренция между разными группами, имеющими внешнюю поддержку из стран ислама, в т. ч. и радикальную. Парадоксально, но, как указывает учёный Х. Ансари, большинство мигрантов изначально видело в формальной политике эффективный способ защиты своих интересов [28, с. 18].

Начальный этап политической активности принес британским мусульманам ощутимые успехи на местном уровне, где к началу 1990-х гг. их представители даже составляли большинство в ряде муниципалитетов [28, с. 6]. Однако амбиции трансформироваться в самостоятельную общенациональную политическую силу не увенчались успехом. Попытки создать устойчивые мусульманские объединения наталкивались на внутреннюю разобщенность и быстро прекращали существование.

Ярким примером этой тенденции стала Исламская партия Великобритании (1989–2006 гг.), которая, несмотря на разработку комплексной программы, так и не смогла преодолеть этноконфессиональные противоречия внутри диаспоры⁴. Аналогичная судьба постигла и «Мусульманский парламент» (1992–1998 гг.), который функционировал, скорее, как дискуссионный форум, предлагавший, по оценкам экспертов, «параллельную» политическую систему, но не получившая широкой легитимности среди британских мусульман [23, с. 59]. Его основной вклад заключался в создании площадки для обсуждения ключевых проблем общины: дискриминации, семейного права, благотворительности и образования⁵.

В результате этих системных неудач интеграция в структуры центральных политических партий стала для британских мусульман практически единственной возможностью для получения представительства в парламенте.

⁴ Islamic Party of Britain: The Policies. – London: Islamic Party of Britain, 2005. – 21 p.

⁵ Siddiqui K. Generating "power" without politics: speech at a one-day conference on The future of Muslims in Britain, London, 14 July 1990. – London: The Muslim Institute, 1990. – 19 p.

На данном этапе ведущие политические силы Великобритании – лейбористы и консерваторы – начали активно бороться за голоса мусульманских избирателей. Этот интерес был обусловлен тем, что в ряде округов именно мигранты, получившие гражданство, стали решающим электоральным большинством [10, с. 30]. Исторически сложилось, что с 1970-х гг. мусульманская община демонстрировала стабильную поддержку Лейбористской партии [10, с. 30]. Однако, как справедливо отмечают исследователи, это было скорее проявлением стратегии лейбористов по демонстрации толерантности для удержания доверия «цветного» электората, нежели свидетельством реального политического равноправия [10, с. 32].

Широко распространено мнение, что курс на мультикультурализм, официально провозглашенный лейбористами после прихода к власти в 1997 г., сформировал современный облик британского общества [32]. Однако истоки этой политики, по всей видимости, лежат в неолиберальной стратегии консерваторов, направленной на минимизацию роли государства в экономике [10, с. 29]. Её следствием стали растущая безработица, снижение уровня жизни и, как результат, массовые беспорядки 1970–1980-х гг., наиболее затронувшие мигрантские сообщества [10, с. 30].

К 1990-м гг. поддержка лейбористов среди пакистанской диаспоры сократилась вдвое [28, с. 18–19]. Это было вызвано как растущими симпатиями первого поколения мусульман к консервативным ценностям, так и неприятием внешнеполитических шагов лейбористов, в частности, ужесточения иммиграционного законодательства и участия в Иракской войне [6, с. 52]. Политика мультикультурализма, основанная на идее построения «единой нации» при уважении разнообразия, отчасти стала попыткой компенсировать непопулярные меры [10, с. 32–33]. Символическим итогом этого процесса стало избрание в 1997 г. первого депутата-мусульманина, Мохаммада Сарвара, выходца из Пакистана [23, с. 59]. Х. Хеллер рассматривает ситуацию на начало текущего столетия: мусульманами являются несколько мэров городов Великобритании, один мусульманин был избран в парламент страны в 1997 г. и ещё двое в 2003 г. [29, с. 233]. По мнению Х. Хеллера эти показатели ещё не отражают мусульманскую популяцию страны в целом: «В противном случае в Палате общин было бы не 3, а минимум 20 депутатов-мусульман» [29, с. 233]. На парламентских выборах 2005 г. от трех главных партий было 48 мусульманских кандидатов, однако только 4 стали депутатами [23, с. 59]. Этот факт заставил говорить о том, что главные политические партии в Великобритании выдвигали мусульманских кандидатов в заведомо проигрышных округах. Все депутаты от лейбористской партии: Ш. Малик и С. Хан избраны в 2005 г., М. Сарвар и Х. Махмуд были переизбраны. К. Е. Новиков видит отчетливую тенденцию роста среди таких депутатов «числа позиционирующих себя в качестве британцев и нацеленных на представительство всех своих избирателей вне зависимости от их расовой, этнической или религиозной принадлежности» [17, с. 181].

Проблема радикализации британских мусульман

Несмотря на стремление интегрироваться в легитимное политическое поле Великобритании, в общественном сознании политическая активность мусульманской общины устойчиво ассоциировалась с различными формами радикализма. Установить точный уровень и характер связей между многочисленными мусульманскими организациями и исламским экстремизмом не представляется возможным ввиду недостатка данных [13, с. 28]. Изначально радикализация была отчасти связана с деятельностью экстремистов, нашедших убежище в стране в 1980–1990-е гг. Однако в условиях глобализации и развития Интернета этот процесс приобрёл

транснациональный, навязанный извне характер. Его усилению способствовали кризисы идентичности у второго и третьего поколений мигрантов, а также международные события, воспринимаемые как угрозы всей умме (например, войны в Афганистане и Ираке).

По мнению аналитиков, зависимость Великобритании от нефтяных поставок из Саудовской Аравии и стран Персидского залива вынуждала власти длительное время закрывать глаза на внешнее финансирование и пропаганду радикальных течений [33]. Как отмечает С. Е. Черняев, открытость британского общества и приверженность либеральным ценностям, как это не парадоксально, предоставили идеологам радикального ислама широкие возможности для легального выражения и распространения своих идей через многочисленные публичные площадки [25, с. 56]. Поэтому неудивительно, что в мусульманском сообществе это отсутствие реакции со стороны британской власти воспринимается как признак ее «слабости» и как «разрешение» на выдвижение все новых и новых политических требований [22 с. 122].

Великобритания предоставила политическое убежище ряду исламских фундаменталистов, подозреваемых в террористической деятельности по всему миру. Лондон был назван «Лондонистаном» – центром исламского терроризма [33]. На территории страны беспрепятственно действовали структуры, способствовавшие радикализации, такие, как «Издательский дом Аззам», распространявший экстремистскую литературу, и мечеть Шейха Омара Абу Омара в Брикстоне, связанная с известными террористами [16, с. 210]. Как заключает С. Е. Черняев, влияние подобных радикальных проповедников на формирование экстремистских взглядов среди молодых британских мусульман было значительным [25]. Британские власти, в свою очередь, придерживались ошибочной стратегии, полагая, что их деятельность направлена против режимов внутри стран мусульманского мира, а толерантность и предоставление свободы действий идеологам радикализма обезопасит страну от терактов [25, с. 56–57].

Теракты 11 сентября 2001 г. стали переломным моментом, ознаменовавшим новый этап для мусульманской диаспоры в Западной Европе [23, с. 57]. Они спровоцировали всплеск исламофобии в Великобритании и привели к ужесточению антитеррористического законодательства. Одновременно с этим правительство активизировало поиск диалога с умеренными мусульманскими организациями. Но войны в Ираке и Афганистане усугубили раскол, оттолкнув часть общины от лейбористов и стимулировав рост влияния правых радикальных сил, которые целенаправленно конструировали в публичном дискурсе негативный образ ислама и мигрантов [3, с. 317].

Несмотря на зафиксированный всплеск исламофобии, на местном уровне отмечалось усиление сотрудничества между муниципалитетами и мусульманскими общинами. Протесты против войны в Ираке также стали площадкой для укрепления солидарности между мусульманами и немусульманами и увеличения роли первых в антиглобалистском движении. Однако ключевым последствием военных кампаний Запада после 11 сентября 2001 г. стало чувство предательства среди мусульманской молодежи в Великобритании. Это подтолкнуло её к радикализму вне рамок диалога с государством и традиционными лидерами [30, с. 87]. Таким образом, в начале XXI века проблема быстро трансформировалась из религиозной и социальной в острую политическую: рост популярности правых сил в принимающем обществе соседствовала с «защитной реакцией» мусульман в виде призывов «дать отпор исламофобам» [27, с. 113].

Сигналом о глубоких проблемах в британском обществе стали расовые беспорядки, вспыхнувшие в 2001 году в нескольких городах на севере Англии. Их причиной послужили нападения расистов и бездействия полиции, а быть может, и

попытки молодых выходцев из Пакистана и Бангладеш создать закрытые этнические анклавы [7, с. 230]. Последовавший за этим доклад Комиссии Кантла констатировал крайнюю степень сегрегации и «параллельное» существование общин, практически не взаимодействующих между собой в бытовой, культурной и общественной сферах⁶. Эксперты отметили отсутствие системных попыток со стороны властей и политических сил наладить межобщинный диалог. Публикация доклада спровоцировала широкую дискуссию о провале политики мультикультурализма [7, с. 230], а его выводы, по мнению некоторых исследователей, подтолкнули правительство к поиску новых подходов, выходящих за её рамки [19, с. 106]. Современная рефлексия в отношении данной проблемы подтверждает, что она не решена и сегодня [12; 32].

Важно подчеркнуть, что, несмотря на рост напряженности, подавляющее большинство британских мусульман не были вовлечены в террористическую деятельность [7, с. 239]. Данные опросов, в т. ч. проведенного МВД Великобритании в 2003 г., показывали, что уровень их национальной идентификации и лояльности институтам власти был сопоставим с показателями белого населения⁷. Тем не менее, реальная угроза терроризма вынудила правительство активизировать превентивные меры. В рамках общенациональной антитеррористической стратегии «Contest» была запущена программа «Prevent», нацеленная на выявление лиц, подверженных радикальным идеологиям, и работу с группами риска [1, с. 8].

Роль СМИ в политической коммуникации принимающего общества и мусульманской общины Великобритании

События 11 сентября 2001 г. стали катализатором беспрецедентного медийного внимания к таким проблемам, как религиозный фундаментализм, исламский терроризм и сложности интеграции мусульманского сообщества в Великобританию. Проведенный в том же году газетой «Гардиан» опрос в рамках Недели понимания ислама показал, что порядка двух третей респондентов формируют свое представление о мусульманах исключительно на основе информации из СМИ, а не из личного общения⁸. В то же время важно избегать преувеличения роли медиа, как это сделано Ф. О. Плещуновым [20], поскольку они во многом являются лишь отражением уже существующих в принимающем обществе взглядов и предрассудков.

Британская община мусульман разработала и внедрила огромное количество инициатив в сфере развития собственных СМИ. Мусульмане страны обеспечили постоянное присутствие в британском медийном пространстве достоверной, качественной и конкурентоспособной информации об исламе. Наиболее заметны на тот момент – исламский телеканал, радиостанция «Рамадан Радио», авторитетное издание «Мусульманский справочник» (The Muslim Directory), газеты «Мусульманские новости» (The Muslim News), «Мусульманский еженедельник» (The Muslim Weekly), журналы «Q-News», «EMEL» [9]. Все общественные и религиозные организации к концу XX в. имели свои Интернет-ресурсы. Особенно были активны молодые мусульмане. Эти и многие другие СМИ рассчитаны не только на мусульман, но и на широкий круг

⁶ Community cohesion: Report of the Independent Review Team Chaired by Ted Cante. – London: Stationery Office, 2001. – 80 p.

⁷ Home Office Citizenship Survey: people, families and communities // Home Office Research and Statistics Directorate. 2004. – URL: <http://dera.ioe.ac.uk/id/eprint/7943> (date of access: 09.10.2015).

⁸ Britain after September 11: Special reports / Guardian Unlimited. 2001. – URL: <https://www.theguardian.com/ukresponse/0,,583503,00.html> (date of access: 05.11.2007).

британцев, проявляющих интерес к исламу. При этом мусульманские журналы и Интернет-ресурсы не могли повлиять на мнение большинства британцев.

Важна была конструктивная позиция наиболее авторитетных ведущих СМИ. Материалы СМИ 2001–2005 гг. немногочисленны, были значительно более умеренны в своих оценках и не вызывали широких общественных дискуссий [9]. Выходцы из стран традиционного распространения ислама становились заложниками медиа-образа, который сложился в отношении ислама. Внимание прессы чаще всего было сконцентрировано на теме исламского радикализма. Представляемые материалы, зачастую не будучи напрямую направленными против мусульман и ислама, тем не менее, по своему сенсационному характеру пробуждали ощущение угрозы в принимающем обществе. Ведущими СМИ распространялась информация и о мирной, культурной, просветительской и чисто религиозной деятельности мусульманской общины Соединённого Королевства, однако это не могло переломить тенденцию негативного восприятия мусульман.

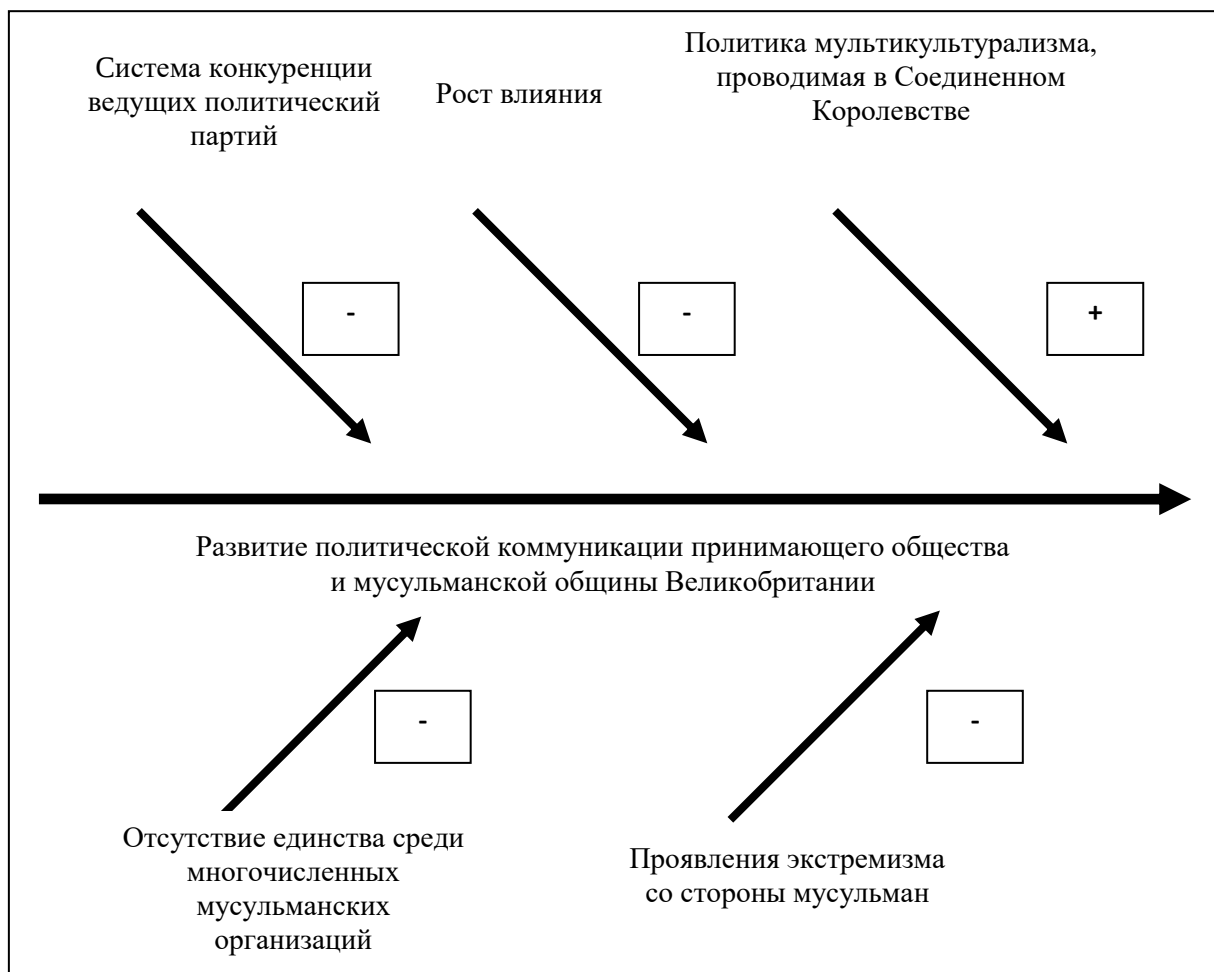
В британской академической среде существует точка зрения, согласно которой сама концепция «исламского терроризма» является контрпродуктивной и должна быть исключена из политического и научного дискурса [31, с. 75]. Сторонники этой позиции полагают, что акцентирование религиозного аспекта деструктивно влияет на общественную сплоченность и может усугублять проблему террористического насилия в долгосрочной перспективе.

Однако возникает закономерный вопрос об эффективности такой гипертрофированной толерантности и политкорректности. Современные исследователи часто интерпретируют политическую корректность как форму символической цензуры [4; 14; 21; 34] – систему неформальных и полуофициальных табу на выражения и значения, признанные определенными социальными группами этически неприемлемыми и политически провокационными. Как отмечает А. Скалчоу, парадоксальным образом попытки политкорректности сгладить социальные конфликты зачастую приводят к их умножению [34]. Таким образом, намеренное замалчивание острых тем может дать обратный эффект. В этой ситуации представляется необходимым формирование более ответственной позиции всех участников процесса коммуникации.

Заключение

Проблемы политической коммуникации между мусульманской общиной и британским обществом приобрели значимость лишь на рубеже XX–XXI вв., а свою настоящую актуальность обозначили после террористических атак 2001 г. в США и 2005 г. в Великобритании. Ключевыми характеристиками этого взаимодействия в указанный период выступают: 1) организационная раздробленность, обусловленная высокой степенью внутреннего разнообразия исламского сообщества и отсутствием у него единого политического представительства; 2) разногласия во взглядах различных поколений мусульман относительно политических целей и методов их достижения; 3) инструментальный подход конкурирующих ведущих политических партий, которые рассматривают мусульманский электорат как ресурс для получения голосов, не предлагая полноценного представительства; 4) проявления экстремизма со стороны радикальных элементов общины британских мусульман, что негативно влияет на образ всего сообщества.

Модель процесса политической коммуникации принимающего общества и мусульманской общины Великобритании в рассматриваемый период (до 2005 г.) позволяет сделать вывод о её неразвитости, так как большинство выделенных в ней факторов замедляют этот процесс:



Эта проблема – замедление процесса политической коммуникации – во многом и прежде всего связана с радикализацией части мусульман Соединенного Королевства (что не снимает ответственности с властей Великобритании за происходящее в стране). Последствия радикализации для процесса политической коммуникации также проявились к 2005 г. и для принимающего общества (усиление правых политических сил; рост исламофобии; поиск партнеров для политического диалога среди организаций британских мусульман).

Литература

1. Воронина Н. А. Британский подход к проблеме дерадикализации исламистов: успех или провал? // Исламоведение. 2023. Т. 14, № 2 (56). – С. 5–18.
2. Гаджимурадова Г. И. Роль религии в консолидации мусульманских сообществ в странах ЕС: проблемы и перспективы // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. – С. 159–169.
3. Головин М. С. Секьюритизация ислама в дискурсе британских праворадикальных политических партий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 2. – С. 317–327.
4. Головин М. С. Идея политической корректности в политическом дискурсе современной Великобритании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. – С. 204–217.
5. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: автореф. ... дис. д-ра полит. наук; 23.00.01. – М., 2005. – 52 с.

6. Громыко А. Великобритания: модернизация на фоне традиций // Вестник Европы. 2006. Т. XIX–XX. – С. 47–55.
7. Дилеммы Британии: поиск путей развития / под ред. Ал. А. Громыко (отв. ред.), Е. В. Ананьевой. – М.: Весь Мир, 2014. – 480 с.
8. Игнатович А. Е. Мусульманские организации Великобритании в условиях принимающего общества // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А: Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). 2011. № 2. – С. 20–24.
9. Игнатович А. Е. Роль СМИ в интеграции мусульман в Великобритании // Журнал международного права и международных отношений. 2011. № 2. – С. 36–40.
10. Коданева С. И. «Общество сверхразнообразия»: как решается вопрос интеграции мигрантов в Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 3 (123). – С. 26–44.
11. Кондратьева Т. С. Мусульмане в Великобритании: Социализация или обособление? // Актуальные проблемы Европы: сб. научн. тр. № 1: Мусульмане в Европе: существуют ли пределы интеграции? / ред.-сост. вып. Т. С. Кондратьева, И. С. Новоженова. – М.: ИНИОН, 2008. – С. 61–95.
12. Котляров И. В., Потапейко П. О. Великобритания и мигранты: социально-политическая рефлексия // Весці БДПУ. Серыя 2: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2022. № 1 (111). – С. 18–23.
13. Ланда Р. Г. Мусульманская диаспора и исламо–экстремизм в Великобритании // Мусульмане на Западе: сб. ст. – М.: ИБВ, 2002. – С. 14–31.
14. Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 1. – С. 196–198.
15. Летняков Д. Э. Массовые миграции и трансформация исторической памяти принимающих сообществ: случай Великобритании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 3. – С. 86–109.
16. Нечитайло Д. А. Ислам в Великобритании // Ближний Восток и современность: сб. ст. – М.: АСТИ–ИЗДАТ, 2005. Вып. 26 / отв. ред. А. О. Филоник. – С. 197–214.
17. Новиков К. Е. Интеграция политиков с иммигрантскими корнями в политическую систему Великобритании // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 3 (98). – С. 181–200.
18. Новосельцев В. И. Системный анализ: современные концепции. – Воронеж: Кварта, 2003. – 360 с.
19. Плещунов Ф. О. Мусульмане Великобритании: поиск новой идентичности // Азия и Африка сегодня. 2008. № 10. – С. 16–21.
20. Плещунов Ф. О. Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация исламской молодежи страны // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 1. – С. 100–108.
21. Поцелуев С. П., Курбатов А. В., Маник А. С. Политическая корректность как политическая цензура: к иронии одного концепта // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. – С. 214–223.
22. Станкевич Г. В., Косов Г. В. Евроислам как способ интегрирования мусульман в европейское сообщество (на примере политической жизни Великобритании) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). – С. 117–126.
23. Храмова Ф. И., Потапейко П. О. Мусульманская диаспора как политический фактор государств Западной Европы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-3 (97). – С. 55–63.

24. Черняев С.Е. Исламский фактор во внутренней и внешней политике Великобритании 1991–2001 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. – С. 360–364.
25. Черняев С. Е. Радикальные исламские идеологи и лидеры Великобритании конца XX – начала XXI в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 3. – С. 56–63.
26. Шиманская О. К., Сенюткина О. Н. Дискурсы евроислама // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. – С. 139–148.
27. Шумилина И.В. Мусульманские общины в США и Западной Европе: модели электорального поведения // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 4. – С. 106–119.
28. Ansari H. Muslims in Britain / Minority Rights Group International. – London, 2002. – URL: <https://www.minorityrights.org/app/uploads/2024/01/download-129-muslims-in-britain.pdf>
29. Hellyer H. British Muslims: Past, Present and Future // The Muslim World. 2007. Vol. 97, iss. 2. – Pp. 225–259.
30. Hussain D. British Muslims in the Anti-Terror Age // Global Dialogue. 2007. Vol. 9, iss. 3/4. – Pp. 75–87.
31. Jackson R. Religion, Politics and Terrorism: A Critical Analysis of Narratives of Islamic Terrorism // Centre for International Politics. – Manchester, 2006.
32. O'Toole T. The political inclusion of British Muslims: from multiculturalism to muscular liberalism // Ethnicities. 2022. Vol. 22, iss. 4. – Pp. 589–602.
33. Phillips M. Londonistan. – New York: Encounter Books, 2006.
34. Scalcau A. The paradoxes of political correctness // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. 2020. Vol. 15, no. 4. – Pp. 53–59.

References

1. Voronina N. A. The British Approach to the Problem of Deradicalization of Islamists: Success or Failure? *Islamovedenie*. 2023. Vol. 14, no. 2 (56). Pp. 5–18. (in Russian)
2. Gadzhimuradova G. I. The Role of Religion in the Consolidation of Muslim Communities in the EU Countries: Problems and Prospects. *Academic Result. Sociology and Management*. 2023. Vol. 9, no. 2. Pp. 159–169. (in Russian)
3. Golovin M. S. Securitization of Islam in the Discourse of British Far-Right Political Parties. *Political Expertise: POLITEX*. 2024. Vol. 20, no. 2. Pp. 317–327. (in Russian)
4. Golovin M. S. The Idea of Political Correctness in the Political Discourse of Contemporary Great Britain. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). Series: Political Science*. 2023. Vol. 25, no. 1. Pp. 204–217. (in Russian)
5. Grachev M. N. *Political Communication: Theoretical and Methodological Analysis: Abstract of a Doctoral thesis (Political Science)*. Moscow, 2005. 52 p. (in Russian)
6. Gromiko A. Great Britain: Modernization against the Background of Traditions. *Bulletin of Europe*. 2006. Vol. 19-20. Pp. 47–55. (in Russian)
7. *Dilemmas of Britain: Search for Development Paths*. ed. by A. A. Gromiko (responsible editor), E. V. Ananyeva. Moscow, Ves' Mir, 2014. 480 p. (in Russian)
8. Ignatovich A. E. Muslim Organizations in Great Britain in the Conditions of the Host Society. *Bulletin of Mogilev State University named after A.A. Kulyashov. Series A. Humanities (History, Philosophy, Philology)*. 2011, no. 2. Pp. 20–24. (in Russian)
9. Ignatovich A. E. The Role of the Media in the Integration of Muslims in Great Britain. *Journal of International Law and International Relations*. 2011, no. 2. Pp. 36–40. (in Russian)

10. Kodaneva S. I. “Superdiversity Society”: How the Issue of Migrants' Integration in Great Britain is Resolved. *Topical Problems of Europe*. 2024, no. 3 (123). Pp. 26–44. (in Russian)
11. Kondratieva T. S. Muslims in Great Britain: Socialization or Isolation? *Topical Problems of Europe: Collection of Academic Papers*. Moscow: INION, 2008, no. 1: *Muslims in Europe: Are There Limits to Integration?* Ed. and compiled by T. S. Kondratieva, I. S. Novozhenova. Pp. 61–95. (in Russian)
12. Kotlyarov I. V., Potapeiko P. O. Great Britain and Migrants: Socio-Political Reflection. *Bulletin of the BDPU. Series 2: History. Philosophy. Politalogy. Social Science. Economics. Cultural Studies*. 2022, no. 1 (111). Pp. 18–23. (in Russian)
13. Landa R. G. Muslim Diaspora and Islamic Extremism in Great Britain. *Muslims in the West: Collected Articles*. Moscow, IBV, 2002. Pp. 14–31. (in Russian)
14. Leontovich O. A. Political Correctness, Inclusive Language, and Freedom of Speech: The Dynamics of Concepts. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25, no. 1. Pp. 196–198. (in Russian)
15. Letnyakov D. E. Mass Migration and the Transformation of Historical Memory of Host Communities: The Case of Great Britain. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021. Vol. 24, no. 3. Pp. 86–109. (in Russian)
16. Nechitailo D. A. Islam in Great Britain. *The Middle East and Modernity: A Collection of Articles*. Moscow, ASTI-IZDAT, 2005. Iss. 26. Pp. 197–214. (in Russian)
17. Novikov K. E. Integration of Politicians with Immigrant Roots into the Political System of Great Britain. *Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. 2020, no. 3 (98). Pp. 181–200. (in Russian)
18. Novosel'tsev V. I. *Systems Analysis: Modern Concepts*. Voronezh: Kvarta, 2003. 360 p. (in Russian)
19. Pleshchunov F. Muslims of Great Britain: The Search for a New Identity. *Asia and Africa Today*. 2008, no. 10. Pp. 16–21. (in Russian)
20. Pleshchunov F. O. The Policy of Multiculturalism in Great Britain and the Radicalization of the Country's Islamic Youth. *The East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. 2009, no. 1. Pp. 100–108. (in Russian)
21. Potseluev S. P., Kurbatov A. V., Manik A. S. Political Correctness as Political Censorship: On the Irony of One Concept. *Public and Municipal Administration. Academic Notes*. 2021, no. 1. Pp. 214–223. (in Russian)
22. Stankevich G. V., Kosov G. V. Euro-Islam as a Way of Integrating Muslims into the European Community (using the Political Life of Great Britain as an Example). *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2015, no. 1 (42). Pp. 117–126. (in Russian)
23. Khramtsova F. I., Potapeiko P. O. Muslim diaspora as a political factor in Western European states. *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*. 2024, no. 10-3 (97). Pp. 55–63. (in Russian)
24. Chernyaev S. E. The Islamic factor in the domestic and foreign policy of Great Britain in 1991-2001. *Social and humanitarian knowledge*. 2020, no. 6. Pp. 360–364. (in Russian)
25. Chernyaev S. E. Radical Islamic ideologists and leaders of Great Britain in the late 20th – early 21st centuries. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2021, no. 3. Pp. 56–63. (in Russian)
26. Shimanskaya O. K., Senyutkina O. N. Discourses of Euro-Islam. *Bulletin of Transbaikal State University*. 2023. Vol. 29, no. 1. Pp. 139–148. (in Russian)
27. Shumilina I.V. Muslim Communities in the USA and Western Europe: Models of Electoral Behavior. *Academic and Analytical Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2024, no. 4. Pp. 106–119. (in Russian)

28. Ansari H. *Muslims in Britain, Minority Rights Group International*. London, UK, 2002. <https://www.minorityrights.org/app/uploads/2024/01/download-129-muslims-in-britain.pdf>
29. Hellyer H. British Muslims: Past, Present and Future. *The Muslim World*, 2007. Vol. 97, iss. 2. Pp. 225–259.
30. Hussain D. British Muslims in the Anti-Terror Age. *Global Dialogue*. 2007. Vol. 9, iss. 3/4. Pp. 75–87.
31. Jackson R. Religion, Politics and Terrorism: A Critical Analysis of Narratives of Islamic Terrorism. *Centre for International Politics*. Manchester, UK, 2006.
32. O'Toole T. The political inclusion of British Muslims: from multiculturalism to muscular liberalism. *Ethnicities*, 2022. Vol. 22, iss. 4. Pp. 589–602.
33. Phillips M. *Londonistan*. New York, Encounter Books, 2006.
34. Scalcau A. The paradoxes of political correctness. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*. 2020. Vol. 15, no. 4. Pp. 53–59.